

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧАСТИ ЭСТОНСКОЙ АРМИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ЭСТОНИИ В 1918–1920 ГГ.

Игорь Копытин

ABSTRACT

The article analyses issues related to the participation of national minorities in the Estonian War of Independence of 1918–1920. Due to the low numbers of national minorities, they were not treated as a serious problem in the Republic of Estonia during the war, but the question of their involvement was important in the principle of the strategy of active defence. This article is based on a doctoral thesis that was defended at Tallinn University in June 2018. The involvement of national minorities in the national units of the Estonian national army in the Estonian War of Independence is investigated from a cultural studies approach. The article aims to show the attitude of national minorities towards the Estonian state and the army, and to evaluate their role in the struggle by the Estonian army in the War of Independence.

KEY WORDS: Estonian War of Independence, national minorities, national units, Baltic Germans, Estonian Russians.

45

ANOTACIJA

Straipsnyje nagrinėjami klausimai, susiję su tautinių mažumų dalyvavimu 1918–1920 m. Estijos kare dėl nepriklausomybės. Tautinės mažumos nesudarė didelio gyventojų nuošimčio, todėl karo metais Estijos Respublika jų nelaikė esmine problema. Nepaisant to, šių mažumų įsitraukimas į karą ir dalyvavimas jame respublikos pusėje buvo svarbus, nes užtikrino aktyviosios gynybos strategijos principą. Šis straipsnis, kuriame tautinių mažumų įsitraukimas į Estijos kariuomenės tautinius dalinius ir jų dalyvavimas Estijos kare dėl nepriklausomybės nagrinėjamas iš kultūros tyrimų perspektyvos, yra pagrįstas tyrimu, atliktu 2018 m. birželio mėn. Talino universitete apgintoje daktaro disertacijoje. Straipsnio tikslas – atskleisti tautinių mažumų požiūrius į Estijos valstybę bei kariuomenę ir įvertinti jų vaidmenį per karą dėl nepriklausomybės Estijos kariuomenės pusėje.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Estijos karas dėl nepriklausomybės, tautinės mažumos, tautiniai daliniai, Baltijos vokiečiai, Estijos rusai.

The research was carried out at the Estonian National Defence College.

Igor Koptin (Игорь Копытин), dr., lecturer of military history, Estonian National Defence College, Riia 12, E-51013 Tartu, Estonia. Email: igor.kopotin@gmail.com.

Манифест о независимости Эстонии, провозглашенный 23 февраля 1918 г., носил заголовок, обращенный ко всем народам Эстонии. Будучи документом конституционного значения, он гарантировал, в числе прочего, права всем национальным меньшинствам. Уже спустя несколько лет после войны за независимость представителями военно-политической элиты Эстонии стал культивироваться тезис об участии в Освободительной войне всех народов Эстонии, дабы содействовать сплочению общества.¹ Исходя из этого, было бы закономерно задать вопрос, какую роль все же сыграли национальные меньшинства в эстонской Освободительной войне 1918–1920 гг., и прежде всего в военно-политическом аспекте?

Современные немецкие историки Петер Хаслингер и Йоахим фон Путткамер связывают тему национальных меньшинств с установлением Версальской системы. Так, некогда нации большинства в т.н. «новых государствах», возникших в Восточной и Центральной Европе после Первой мировой войны, оказались в статусе национальных меньшинств. Причем конфронтацию между национальными меньшинствами и новыми национальными государствами можно обусловить, с одной стороны, требованиями государства к лояльности нацменьшинств (*Staatstreue*), а с другой – отношением самих нацменьшинств к новым национальным государствам, считавшимися бывшими имперскими народами зачастую «неправильными» (*falscher Nationaalstaat*).² К названной категории нацменьшинств можно отнести прежде всего немцев в Польше и Чехословакии, как, впрочем, немцев и русских в странах Балтии.

Действительно, отношение нацменьшинств к провозглашению Эстонской республики было более чем осторожным. Так, русские жители-староверы Причудья уже после провозглашения Эстляндской автономии 30 марта 1917 г. созвали съезд сельских старейшин, который, опасаясь эстонизации, принял решение ходатайствовать о включении Причудья в состав соседней Петроградской губернии.³ Русские жители столицы – города Таллинна (Ревеля) проявляли больший интерес к общероссийским делам, нежели к событиям в Эстонии. Интересно, что перед прибытием британской эскадры адмирала Эдвина Александера-Синклера в Таллинн, в русских кругах шли разговоры о свержении Эстонского Временного правительства, чтобы показать британцам, кто в Таллинне хозяин.⁴ Вошедший же в правительство Эстонии министр по делам

¹ BRÜGGEMANN, Karsten. *Die Gründung der Republik Estland und das Ende des „Einen und mittelbaren Rußland“*. Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden, 2002, S. 197.

² HASLINGER, Peter; PUTTKAMER, Joachim von. Staatsmacht, Minderheit, Loyalität – konzeptionelle Grundlagen am Beispiel Ostmittel- und Südosteuropas in der Zwischenkriegszeit. In *Staat, Loyalität und Minderheiten in Ostmittel- und Südosteuropa 1918–1941*. Hrsg. von Peter HASLINGER, Joachim von PUTTKAMER. München, 2007, S. 1–4.

³ GRAF, Mati. *Eesti Rahvusriik. Ideed ja lahendusd ärkamisajast Eesti Vabariigi sünnini*. Tallinn, 1993, lk. 132, 135–136.

⁴ Ibid., lk. 286.

русских адвокат Алексей Сорокин и вовсе отказался ставить подпись на декларации о независимости.⁵ Следующая по численности за русскими категория нацменьшинств – балтийские немцы – после революции 1917 г. возлагали свои надежды на поддержку и защиту Германии. Прежде всего, немцы возлагали надежды на создание в Прибалтике прогерманского квазигосударства – Балтийского герцогства, которое позволило бы защитить интересы господствующей немецкой прослойки.⁶ Лишь события Ноябрьской революции в Германии свели на нет мероприятия балтийских немцев, направленные на создание Балтийского герцогства.⁷

Сейчас трудно определить точный национальный состав жителей Эстонии к моменту провозглашения независимости. С одной стороны, еще не были установлены точные границы республики, а с другой – происходили сложные демографические процессы. За годы Первой мировой войны на территорию Эстляндии и Лифляндии прибыло большое количество беженцев, через Эстонию проходило и в ней квартировало огромное количество воинских частей и учреждений. Также в связи с интенсивной индустриализацией столицы Эстляндской губернии города Ревеля в нем оказалось значительное число русских промышленных рабочих. Правда, в 1917–1918 гг. перед наступлением германской армии большая часть российских рабочих и чиновников была эвакуирована из Эстонии, а остатки российских войск ушли в Россию. Поэтому гражданами провозглашенной Эстонской Республики считались жители, проживавшие там до 1914 года, поскольку остальные были эмигрантами. Исходя из поздней статистики переписи народонаселения Эстонии от 1922 года, можно предполо-

⁵ В газете партии Национального Центра *Waba Maa* на смерть Сорокина писали, что он был настоящим русским националистом, поскольку, еще будучи депутатом Учредительного Собрания Эстонии отказался ставить свою подпись на декларацию эстонской независимости (Riigikoguliige A. Sorokin surnud. *Waba Maa*, 02.04.1933, nr. 78, l. 5). Видимо, тогда Сорокин руководствовался общими принципами белогвардейцев о «единой-неделимой России» и решении вопроса «национальных окраин» в всероссийском Учредительном Собрании. После смерти Сорокина эстонский журналист Энн Салуранд (Enn Salurand) называл его русифицированным сето и предателем эстонского национализма (CHEN, Pin-Yu Paris. *Race, Nation and Eugenics in Interwar Estonian Radical Right Journal ERK Magazine*. Master's Thesis. University of Tartu & University College London. Tartu, 2017, p. 75). В принципе, некоторые эстонские националисты и представители власти предпочитали называть русских из пограничного Печорского уезда сето, указывая как бы на их принадлежность к эстонскому этносу (Ibid., p. 76).

⁶ ГРАФ, Мати. *Эстония и Россия 1917–1991: Анатомия расставания*. Таллинн, 2007, с. 109–121.

⁷ Примечательно, что даже представитель Веймарской республики в Прибалтике социал-демократ Август Винниг, признавший независимость Эстонии и Латвии де-факто, был, в принципе, настроен про-имперски. С одной стороны, он признавал необходимость создания ряда прогерманских буферных государств из числа окраинных народов России, которые должны были защитить восточную границу рейха, а с другой стороны, он презрительно относился к независимости балтийских стран. Так, он назвал Эстонию и Латвию страной батраков, поднявшихся под руководством мелкой национальной интеллигенции и питавшихся одновременно страхом к России и ненавистью к Германии: WINNIG, August. *Das Reich als Republik 1918–1928*. Stuttgart und Berlin, 1929, S. 147, 213.

жить, что на территории Эстонии в границах 1920 года могло проживать примерно 11–15 % неэстонцев.⁸ И все же количество национальных меньшинств было значительно меньше, чем национальных меньшинств в соседней Латвии⁹ или, например, во второй Польской республике.¹⁰ Учитывая, что наиболее многочисленными национальными группами из нацменьшинств в Эстонии были русские и балтийские немцы, то в данной статье будут рассматриваться события, связанные, в основном, именно с этими национальностями.

В войне за независимость в составе Эстонской армии принимали участие не только нацменьшинства, но и иностранные добровольцы, чья роль на начальном этапе войны была довольно значительна.¹¹ Однако, следует заметить, что обстоятельства формирования, как и опыт боевого применения иностранных воинских формирований в составе Эстонской армии, значительно отличались от опыта применения нацменьшинств. Учитывая указанные обстоятельства, в данной статье основное внимание будет обращено исключительно на участие нацменьшинств в эстонской Освободительной войне, а также на воинские части, пусть даже формировавшихся из иностранцев, но имевших в Эстонской Народной Армии статус национальных.

- ⁸ *Vabadussõjast taasiseseisvumiseni* (Eesti ajalugu, VI). Peatoim. Sulev VAHTRE. Tartu, 2005, lk. 63; KOPŌTIN, Igor. *Eesti Rahvaväe vene sõdurid Vabadussõjas 1918–1920*. Tallinn, 2014, lk. 18; GRAF, M. *Eesti Rahvusriik...*, lk. 315. Сразу после окончания войны за независимость, по данным переписи, проведенной в 1922 г., Эстония была скорее моногенной страной, в которой эстонцы составляли 87,6% (969 976), русские – 8,2 % (91 109), в том числе более 18 тыс. без гражданства оставшихся русских белых эмигрантов. Рост численности русского населения в основном был связан с присоединением к Эстонии Печорского уезда и Нарвы (Ibid., lk. 315). По переписи населения 1897 г., в Эстляндии проживало 365 959 эстонцев, 20 899 русских, 16 037 немцев и 5 769 шведов. Общее количество немцев на территории Эстонии составляло 33 362, когда русских в 1917 г. могло насчитываться уже почти 100 000 (ГРАФ, М. *Эстония и Россия...*, с. 13). По подсчетам немецких оккупационных властей в 1918 г. в Эстонии проживало 5,5% немцев (Ibid., с. 107).
- ⁹ ZVIDRIŅŠ, Pēteris. *Latvijas demogrāfiskā attīstība pēc neatkarības atgūšanas*. In *Latvieši un Latvija*. III sējums. Atjaunotā Latvijas valsts. Red. Jānis STRAZDIŅŠ. Rīga, 2013, 322.–325. lp.
- ¹⁰ ZIELIŅSKI, Henryk. *Historia Polski 1914–1939*. Wrocław, 1985, s. 124–126. Пример Польши является действительно интересным, поскольку в образованном в 1918 г. Польском государстве в границах 1921 г. количество национальных меньшинств могло составлять треть от всего народонаселения страны.
- ¹¹ ROSENTHAL, Reigo. *Laidoner – väejuht. Johan Laidoner kõrgema operatiivjuhi ja strateegia kujundajana Eesti Vabadussõjas*. Tallinn, 2008, lk. 143–147; *Eesti Vabadussõda 1918–1920*. 1. kd. Koost. August TRAKSMAA. Tallinn, 1996, lk. 313–321. Об участии финских добровольцев см. MATTILA, Jukka I.; NIINISTÖ, Jussi. *Pohjan Pojat. Kuvahistoria suomalaisen vapaaehtoisrykementin vaiheista Viron vapaussodassa 1919*. Helsinki 1999. Об участии датских добровольцев см. BORGELIN, Richard G. *Dannebrogi lipu all*. Stockholm, 1973. Об участии шведских добровольцев см. MOTHANDER, Carl Axel. *Rootsi kuninga valge laev. Riskantne mäng rannarootslaste pärast*. Tallinn, 2011. Среди добровольцев Шведского Белого Легиона принимало участие в эстонской войне за независимость также некоторое число представителей шведского национального меньшинства Эстонии, чья роль была все же маргинальная: ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 146. Об участии шведских добровольцев в войне см. также LUNDBORG, Einar. *Soomusautoga Eesti Vabadussõjas. Minu rindeelamus 1919–1920*. Lund, 1968. Также эстонскому главнокомандующему на разных этапах войны подчинялись иностранные части русского белогвардейского Северного корпуса и Северо-Латвийской бригады полковника Йоргиса Земитана: CIGANOV, Juris. *Latvijas neatkarības karš 1918–1920*. Rīga, 2013, 34.–37. lp.

Мобилизация и национальные меньшинства

Объявленная 29 ноября 1918 г. Эстонским Временным правительством мобилизация в Эстонскую Народную Армию проходила сначала довольно проблематично. Из-за продвижения частей Красной Армии вглубь Эстонии и из-за сложной политической ситуации не удалось отмобилизовать людей в нескольких уездах, особенно на приграничных территориях. Кроме того, были случаи бегства членов самих мобилизационных комиссий перед лицом наступления врага в нескольких уездных центрах южной и юго-восточной части Эстонии.¹² Уклонение от мобилизации было довольно массовым явлением и в северо-западной Эстонии,¹³ а также на острове Сааремаа (Эзель), где в январе 1919 г. произошло вооруженное восстание, вскоре, правда, подавленное правительственными войсками.¹⁴ Все же когда в феврале 1919 г. был восстановлен контроль над этнической территорией Эстонии, мобилизационные комиссии продолжили работу на местах, что дало к маю 1919 г. 35 000 солдат.¹⁵

Несмотря на то, что в эстонской национальной историографии было принято говорить о национальном воодушевлении эстонцев, будто бы желавших воевать за государственную независимость,¹⁶ можно утверждать, опираясь на архивные данные, что это было не совсем так. Например, в уезде Вильянди (Феллин) в июле и августе 1919 г. призвали 949 мужчин, из которых только 31 смогли мобилизовать, поскольку остальные предъявили разные причины для освобождения от мобилизации, в основном, по семейным обстоятельствам.¹⁷ В уезде Тарту осенью 1919 г. 75 % подлежащих мобилизации уклонялось от службы.¹⁸

¹² Заместитель министра внутренних дел – министру, 30.12.1918. *Eesti Riigiarhiiv (Эстонский государственный архив, далее ERA)*, f. 2124, n. 3, s. 1883, l. 27.

¹³ Так, например, в уезде Ляэне (Lääne) 79 % мобилизованных не явилось в пункты сбора: *Väerind ja seljatagune*, 16.01.1919. *ERA*, f. 2124, n. 3, s. 1842, l. 122.

¹⁴ *Eesti Vabadussõda 1918–1920*. 2. kd. Koost. August TRAKSMAA. Tallinn, 1997, lk. 16–18. См. HIIЕ, Piret. *1919. aasta mäss Muhu- ja Saaremaal*. Kuressaare, 2010.

¹⁵ *Eesti Vabadussõda...*, 2. kd., lk. 54–55; Siseministri abi töö- ja hoolekanne ministeeriumi, 03.11.1919. *ERA*, f. 14, n. 1, s. 36, l. 202; ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 138.

¹⁶ В изданном Комитетом Истории Освободительной войны при Генеральном штабе Эстонской армии в 1939 г. втором томе монографии говорится о единстве эстонского народа в борьбе с врагом как об одном из факторов победы. При этом отмечается, что все же не удалось объединить всех эстонцев в вооруженной борьбе, поскольку создание нации нуждается во времени и целенаправленной работе: *Eesti Vabadussõda...*, 2. kd., lk. 498–502. Современный эстонский историк Аго Паюр признает слабую мораль Эстонской армии на начальном этапе войны. Однако, по оценке историка, в 1919 г. наступил перелом, когда по примеру многочисленных добровольцев, при поддержке иностранных государств и благодаря политике Эстонского государства будто бы удалось добиться решительной перемены настроения населения и успешно провести мобилизацию: *Vabadussõjast taasiseseisvumiseni...*, lk. 32–33.

¹⁷ *Viljandimaa rahvaväe komisjoni aruanne perekondlikel põhjustel vabastatud meeste kohta, dateerimata*. *ERA*, f. 14, n. 1, s. 36, l. 145.

¹⁸ *Tartumaa rahvaväelaste registreerimise büroo Peastaabi mobilisatsiooniosakonnale*, 13.08.1919. *ERA*, f. 2124, n. 3, s. 1842, l. 31–34.

Если в начале 1919 г. массовое уклонение от мобилизации в национальную армию среди эстонцев можно объяснить нестабильным положением Эстонского государства, то почему эстонцы не шли в армию в конце лета 1919 г., когда военный успех, казалось бы, был на стороне Эстонской Республики? Без серьезного исследования сказать точно пока еще сложно, но можно предположить, что немаловажную роль играли общая усталость от войны (с 1914 г.), нежелание рисковать жизнью, трудное социально-экономическое положение, в основном, крестьянского населения, недостаточная вера в силу и жизнеспособность национального государства и армии. При этом, все же, можно отметить некоторый подъем патриотизма среди уже мобилизованных в армию солдат в связи с выборами в Учредительное собрание Эстонии в марте 1919 г., принятым Законом о земле, обещавшим эстонским хуторянам земельный передел,¹⁹ а также в связи со скоротечным конфликтом с ополчением балтийских немцев – Ландесвером, в котором эстонские солдаты видели олицетворение ненавистных помещиков.²⁰ Однако в эстонских частях, действовавших на территории России, наблюдалось брожение среди солдат, не желавших вмешиваться в российскую гражданскую войну.²¹

В контексте ситуации с настроениями среди эстонцев поведение национальных меньшинств не кажется чем-то из ряда вон выходящим. Среди русской городской интеллигенции Таллинна преобладали монархические и шовинистические настроения. В проекте Эстонской республики они видели лишь попытку эстляндских националистов отсоединиться от России. Русские Таллинна, за некоторым исключением, интересовались общероссийскими делами и видели Эстляндию как субъект империи. Поэтому неудивительно, что они поддерживали, в основном, белогвардейцев, провозгласивших лозунг «единой-неделимой России».²²

Когда в январе 1919 г. белогвардейский Северный корпус начал проводить мобилизацию русских в Эстонии, то исполнявший обязанности военного министра Эстонского Временного правительства Константин Пятс в апреле 1919 г. не разрешил мобилизовать граждан Эстонии русского происхождения.²³ В отношении

¹⁹ *Vabadussõjast taasiseseisvumiseni...*, lk. 33.

²⁰ BRÜGGEMANN, Karsten. Estnische Erinnerungsorte: Die Schlacht von Wenden gegen die Baltische Landeswehr im Juni 1919 als Höhepunkt der nationalen Geschichte. Опубликовано 09.03.2004. Дата обращения 10.01.2018. URL: <<http://www.eurozine.com/estnische-erinnerungsorte-die-schlacht-von-wenden-gegen-die-baltische-landeswehr-im-juni-1919-als-hohepunkt-der-nationalen-geschichte/>>.

²¹ РОЗЕНТАЛЬ, Рейго. *Северо-Западная армия. Хроника побед и поражений*. Tallinn, 2012, с. 125; РОДЗЯНКО, Александръ. *Воспоминания о Северо-Западной армии*. Берлинъ, 1921, с. 78; ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 113.

²² КОРÖTIN, I. *Eesti Rahvaväe...*, lk. 23.

²³ Начальник штаба Северного корпуса полковник Вильгельм фон Валь главнокомандующему генерал-майору Лайдонер, 30.03.1919, резолюция Пятса и Лайдонера от 31.03.1919 и 05.04.1919. *ERA*, f. 2124, n. 3, s. 1842, l. 16.

же русских эмигрантов были предприняты противоположные действия. Эстонское правительство обязало их (мужчин в возрасте от 19 до 36 лет) в январе 1919 г. вступать в ряды Северного корпуса или покинуть пределы Эстонии.²⁴

Однако часть русских Таллинна уже в декабре 1918 г. вступила в белогвардейские подразделения. Так, по инициативе российского эмигранта генерал-майора Вильгельма Геннинга, заключившего соответствующий договор с Эстонским правительством, был создан русский отряд вспомогательной военной организации Кайтселийт, который был задействован в караульной службе в городе. В июле 1919 г. на базе отряда Геннинга создали тыловой этап Северо-Западной армии.²⁵ Также в декабре 1918 г. по инициативе Геннинга был создан русский офицерский партизанский отряд под командованием подполковника Карла Бадендика – уроженца города Тарту, балтийского немца по национальности. Примечательно, что чины отряда носили шевроны как русских, так и эстонских национальных цветов. 9 февраля 1919 г. отряд Бадендика прошел смотр перед главнокомандующим генералом Лайдонером в Таллинне и отправился на фронт. В дальнейшем этот отряд стал основой Ревельского стрелкового полка Северо-Западной армии.²⁶

Несмотря на то, что среди мобилизованных в Эстонскую армию весной 1919 г. встречаются некоторые русские фамилии, представить полную статистику мобилизации нацменьшинств пока не представляется возможным.²⁷ Самой большой группой русских граждан Эстонии, мобилизованной в Эстонскую армию и задействованной на фронте, является Таллиннская маршевая рота в количестве 99 человек. Рота, состоявшая в основном из русских жителей Таллинна, была направлена на пополнение частей 3-й пехотной дивизии. 27 апреля 1919 г. т. н. русская рота была передана в состав 6-го пехотного полка и задействована в боевых действиях против красных возле Руйены в Северной Латвии. В мае 1919 г. русские принимали участие в составе переформированной 15-й роты во всех боях 6-го полка в Северной Латвии и на Псковщине.²⁸ Лишь однажды русская рота отказалась выполнять боевой приказ, сославшись на усталость от боев. Инцидент случился после боевого крещения роты под Руйеной. Ситуацию разрешил командир роты прапорщик Карл Подрятчик и офицер полка, русский по происхождению из Пярну штабс-капитан Петр Феофанов. Они смогли убедить русских идти в бой. Причинами инцидента были названы недостаточная выучка и отсутствие у солдат понятия дисциплины.²⁹

²⁴ РОЗЕНТАЛЬ, Р. *Северо-Западная армия...*, с. 66–67.

²⁵ KOPÕTIN, I. *Eesti Rahvaväe...*, lk. 21.

²⁶ ROSENTHAL, Reigo. *Loodearmee*. Tallinn, 2006, lk. 78–79.

²⁷ KOPÕTIN, I. *Eesti Rahvaväe...*, lk. 22–23.

²⁸ MAIDE, Jaan; VALDIN, Ernst. *6. jalaväepolk Vabadussõjas: 1918–1920*. Tallinn, 1938, lk. 241–242; KOPÕTIN, I. *Eesti Rahvaväe...*, lk. 105–108.

²⁹ MAIDE, J.; VALDIN, E. *Op. cit.*, lk. 267–269.

В вопросе мобилизации нацменьшинств показательным является случай с таллинским евреем по имени Моисей Штраж, который отказался осенью 1919 г. идти в армию по причине своей национальности. На это лично отреагировал ответственный за проведение мобилизации в республике министр внутренних дел Александер Геллат, заявивший официально, что все граждане Эстонии, независимо от национальности, обязаны служить в армии и защищать страну.³⁰ В принципе, мобилизационные комиссии в годы войны за независимость рассматривали исключительно семейное положение и имущественное состояние подлежащих мобилизации, но никогда не их национальность.³¹

Мобилизация в Печорском уезде и Паниковский батальон

Проблема мобилизации в пограничном с Россией и Латвией Печорском уезде обуславливается тем, что во время войны за независимость не была закреплена государственная принадлежность уезда, определенная лишь по результатам Тартуского мирного договора от 2 февраля 1920 года. 21 ноября 1918 г. эстонское этническое меньшинство Печорского уезда³² обратилось с просьбой к Эстонскому правительству о включении уезда в состав Эстонской республики.³³ Принятая 4 июня 1919 г. временная конституция Эстонской республики признавала город Печоры с близлежащими тремя волостями в составе Эстонии. Причем на мирных переговорах в Тарту обсуждался вопрос проведения референдума, в котором эстонская сторона вовсе не была заинтересована, поскольку преимущественно русское население уезда, по-видимому, не считало себя эстонскими подданными.³⁴ Таким образом, вопрос о государственной границе зависел исключительно от военного успеха Эстонской армии в продвижении ее по спорной территории. В любом случае, вопрос о государственной принадлежности Печорского уезда решался без участия местных русских и латышского меньшинства (волость Лавры), что характерно для упомянутой выше теории Хаслингера-Путткамера. Поэтому неудивительно, что печорские русские не проявили особого рвения в эстонской войне за независимость.

³⁰ Главное управление административных дел в мобилизационную комиссию города Таллина, 16.10.1919. ERA, f. 14, n. 1, s. 36, l. 200.

³¹ Заместитель министра внутренних дел комиссару по делам уездов и городских самоуправлений, 18.03.1919. ERA, f. 14, n. 1, s. 36, l. 53.

³² По результатам переписи населения 1922 г., в Печорском уезде Эстонии эстонцев проживало всего 7,1 %, в Печорах – 32,5 %, когда русских в уезде 63,8 % и в городе – 63,2 %: LÕUNA, Kalle. *Petserimaa. Petserimaa integreerimine Eesti Vabariiki 1920–1940*. Tallinn, 2003, lk. 34.

³³ KOPÕTIN, I. *Eesti Rahvapä...*, lk. 18–19.

³⁴ LÕUNA, K. Op. cit., lk. 34.

Проведение мобилизации жителей Печорского уезда осложнялось близостью фронта. Сам город Печоры весной 1919 г. дважды переходил из рук в руки, пока его окончательно не захватили 13 марта 1919 г. финские добровольцы.³⁵ Боевые же действия продолжались на удалении 10–20 км от города до конца всей войны.³⁶

Назначенный в Печорский уезд военным комендантом эстонский офицер, по происхождению русский из Пярну, штабс-капитан Георгий Размесов отвечал за проведение мобилизации во всем уезде, являвшимся, по сути, прифронтовой зоной. Решение о мобилизации в Печорском уезде приняли уже в феврале 1919 г., когда бои за город Печоры еще не были завершены. По словам сотрудников Печорской комендатуры, мобилизация в уезде должна была дать «хорошую сумму крепких молодых людей», поскольку население уезда в большой степени составляла физически здоровая крестьянская молодежь.³⁷

Для начала в апреле 1919 г. Размесов объявил мобилизацию добровольцев, обещая неплохие суточные деньги. В мае в уезде началась регистрация офицеров и чиновников независимо от национальности, что подчеркивалось отдельно.³⁸ В августе по приказу начальника 2-й пехотной дивизии полковника Виктора Пускара объявили мобилизацию десяти возрастов в густонаселенной Паниковской волости, что дало к 9 сентября лишь 50 человек. Крестьяне волости массово уклонялись от мобилизации, в связи с чем Размесов был вынужден посылать солдат комендантской роты для сбора людей по месту их жительства. Поскольку крестьяне начали разбегаться, то Размесов и офицеры комендатуры стали угрожать уклонистам расстрелом. Соответствующие объявления распространяли по всей волости. Принятые меры по отлавливанию уклонистов дали результат, и в сентябре удалось задержать свыше 100 уклонистов.³⁹

Отсутствие интереса к службе в Эстонской армии у печорских русских эстонские военные власти объясняли влиянием советских лазутчиков. На заподозренных в сочувствии к красным крестьян составляли списки, а деревни, которые не выдавали уклонистов, называли в служебной переписке «красными».⁴⁰

Количество уклонистов и дезертиров в Печорском уезде осенью 1919 г. могло составлять несколько сотен человек. Некоторые из них оказывали сопротивление эстонским военным властям, в результате чего задержанных предавали

³⁵ *Eesti Vabadussõda...*, 1. kd., lk. 500–502.

³⁶ КОРӨТИН, I. *Eesti rahvaväe...*, lk. 53–54.

³⁷ Начальник 1-го отдела Печорской комендатуры Печорскому коменданту, 19.02.1919. *ERA*, f. 14, s. 1, n. 36, l. 43.

³⁸ КОРӨТИН, I. *Eesti rahvaväe...*, lk. 52, 55.

³⁹ *Ibid.*, lk. 57–58.

⁴⁰ Переписка Печорского военного коменданта со штабом 2-й дивизии, май 1919. *ERA*, f. 812, n. 1, s. 74, l. 33.

военно-полевому суду 7-го пехотного полка, который пополнялся мобилизованными. Некоторых дезертиров при этом подвергли высшей мере наказания, приведённой в исполнение расстрельной полковой командой. Кульминацией можно считать возникновение в октябре 1919 г. отряда т. н. «зеленых» из 40 человек, вооруженных винтовками. Против этого отряда, скрывавшегося в лесах на административной границе Печорского и Вырусского уезда, 7-й полк предпринял боевую операцию по зачистке местности.⁴¹

Полную мобилизацию всех возрастов во всем Печорском уезде начали проводить в соответствии с приказом военного министра лишь 27 декабря 1919 г. В марте 1920 г., то есть уже после заключения Тартуского мира, когда вся Эстонская армия уже готовилась к демобилизации, мобилизация в Печорском уезде еще только набирала силу. Причем командующий силами Кайтселийта полковник (позже генерал-майор) Йохан Унтъ докладывал военному министру, что мобилизация в Печорском уезде происходит с крайними затруднениями, связанными с незнанием местными государственного языка и низким уровнем образования. В связи с этим он просил прислать в уезд дополнительные военно-административные силы.⁴² Таким образом, можно считать, что Эстонская республика применяла военно-репрессивные методы для более плотного слияния пограничного русскоязычного Печорского уезда с остальной Эстонией.

Из мобилизованных преимущественно русской национальности жителей Печорского уезда создали в октябре 1919 г. 3-й «русский» батальон 7-го пехотного полка, что увеличило количество русских в полку до 15 %. Поскольку формирование батальона происходило в Паниковской волости, это подразделение стали неофициально называть Паниковским, а иногда просто «русским» батальоном. Несмотря на то, что командиры батальона, как, впрочем, и командиры рот, были эстонцами, остальные офицеры батальона не владели эстонским языком, и на службе использовали исключительно русскую речь.⁴³

В батальоне было широко распространено дезертирство, из-за которого в некоторых ротах осталось лишь около 30–40 % штатного состава. Так, один из офицеров полка русский же лейтенант Василий Любомирский требовал разоружить Паниковский батальон как неблагонадежный.⁴⁴ Однако, этого сделано не было, но борьба с дезертирством усилилась посредством широкого применения практики полевого суда и операций прочесывания тыловой местности. При этом наиболее неблагонадежные солдаты батальона разоружались и направлялись

⁴¹ Переписка Печорской военной комендатуры, 15.10.1919. ERA, f. 812, n. 1, s. 91, l. 154.

⁴² Командующий Кайтселийтом военному министру, 01.03.1920. ERA, f. 497, n. 2, s. 567, l. 233.

⁴³ KOPÕTIN, I. *Eesti rahvaväe...*, lk. 65.

⁴⁴ Оперативная переписка Качановского батальона, 1919. ERA, f. 579, n. 1, s. 20, [номер листа отсутствует].

на службу во 2-й рабочий отряд при военном инженерере 2-й дивизии.⁴⁵ Командный состав полка в данном случае видел проблему исключительно в деятельности красных лазутчиков, не рассматривая других факторов мотивации солдат.⁴⁶ Вероятно, кроме нежелания местных русских крестьян воевать вообще, негативное влияние оказывала и нехватка обмундирования. Так, осенью 1919 г. в 9-й роте «русского» батальона на 108 солдат было всего 19 шинелей, а в 12-й роте у половины солдат не было обуви.⁴⁷

Несмотря на все трудности, связанные с мобилизацией и формированием, боевой состав «русского» батальона к середине октября 1919 г. исчислялся в 1 508 штыков.⁴⁸ В октябре и ноябре 1919 г. батальон в составе полка был задействован в боевых действиях против Красной Армии на границе Печорского уезда, будущей государственной границе, и в направлении Пскова. Удивительно, но действия батальона были относительно успешными и получили даже благодарность командования 2-й дивизии.⁴⁹ По-видимому, боевые успехи Паниковского батальона были связаны с тем, что батальон действовал в относительной близости к своим родным местам. Именно это обстоятельство давало ему моральное преимущество по сравнению с подразделениями Красной Армии, призванными из дальних уголков России и давшими на Псковском участке фронта слабину.

Ингерманландский полк как инструмент стратегии активной обороны

Главнокомандующий Эстонской армией в войне за независимость генерал Йохан Лайдонер исходил из принципа т.н. стратегии активной обороны, под которой он понимал вынос боевых действий за пределы этнической территории Эстонии и сдерживание врага силами буферных союзников.⁵⁰ Одним из таких буферных союзников был русский белогвардейский Северный корпус (с 1 июля 1919 г. Северо-Западная армия). Однако руководство Эстонской республики и

⁴⁵ Приказы командира 7-го полка, 1919. ERA, f. 548, n. 1, s. 20, l. 142, 216.

⁴⁶ Ibid., l. 63–65.

⁴⁷ КОРÖТИН, I. *Eesti rahvaväe...*, lk. 69.

⁴⁸ По уставам бывшей Российской армии, использовавшимся в Эстонской армии в годы войны за независимость, боевой состав воинской части сухопутных войск исчислялся «штыками и саблями», к которым причисляли вооруженных винтовками солдат пехоты и разведки. К штыкам и саблям не относили офицеров, пулеметчиков, артиллеристов, связистов, саперов, солдат рабочих команд и службы тыла, а также медицинский персонал. В кавалерии к саблям относили лишь тех солдат, у которых была скаковая лошадь.

⁴⁹ КОРÖТИН, I. *Eesti rahvaväe...*, lk. 70–72.

⁵⁰ РОЗЕНТАЛЬ, Р. *Северо-Западная армия...*, с. 116. ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 112–116.

армии понимало, что настроенные на борьбу за и единую и неделимую империю белогвардейцы не могут быть надежными союзниками по идейным соображениям.⁵¹

В связи с этим у Лайдонера и начальника штаба главнокомандующего генерал-майора Яана Соотса весной 1919 г., по-видимому, возникла идея поддержки надежного для Эстонии союзника, буферного между Эстонией и Россией государства – т. н. Ингерманландии. Они полагали, что создание ингерманландских национальных частей раздробит силы противника, поможет сдерживать Красную Армию далеко от границ Эстонии и, наконец, лояльные к Эстонии ингерманландцы должны были бы сменить нелояльных шовинистически настроенных белых в качестве основного союзника.⁵² Исходя из этих соображений, было решено поддержать ингерманландских эмигрантов в Эстонии, заключивших с Эстонским правительством договор о создании на эстонские деньги одного трехбатальонного полка.⁵³

Созданный из эмигрантов и беженцев Ингерманландский полк численностью около 300 человек под командованием финских офицеров принял участие в майском наступлении Северного корпуса, в ходе которого красные были отброшены от границ Эстонии. Однако уже вскоре разразился скандал между действовавшим в Сойкинской волости Петроградской губернии Ингерманландским полком и командованием белого Северного корпуса. Конфликт, достаточно подробно описанный в историографии и мемуаристике,⁵⁴ закончился разоружением ингерманландцев белыми. По мнению командира Северного корпуса генерала Александра Родзянко, Ингерманландский отряд – это сепаратисты, которых поддерживала Эстония.⁵⁵ Поскольку ингерманландцы не имели поддержки Антанты, принявшей в конфликте сторону Родзянко, Ингерманландский полк был распущен. Часть его личного состава была включена в Северный корпус, часть разошлась.⁵⁶

По мнению историка Карстена Брюггеманна, действия белых против ингерманландцев сработали вразрез со стратегией Лайдонера об активной обороне. Однако эстонский командующий не вмешался, поскольку был занят сов-

⁵¹ ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 121–126.

⁵² Laidoner sõjaministrile, 28.04.1919. ERA, f. 495, n. 10, s. 71, l. 39. Soots sõjaministrile, 27.02.1919. ERA, f. 495, n. 10, s. 71, l. 17.

⁵³ Секретарь военного министра в штаб главнокомандующего, секретно, 27.02.1919. ERA, f. 495, n. 10, s. 71, l. 16. *Eesti Vabadussõda...*, 2. kd., lk. 84. MUSAYEV, Vadim. *The Ingrian Question as a Historical and Political Phenomenon*. Praha, 2000, p. 37.

⁵⁴ BRÜGGEMANN, K. *Die Gründung...*, S. 247; РОЗЕНТАЛЬ, Р. *Северо-Западная армия...*, с. 146.

⁵⁵ Также Родзянко сравнил идею Ингерманландской республики с абсурдной Псковской республикой, которую отчасти также поддерживали эстонцы: РОДЗЯНКО, Александр. Воспоминания о Северо-Западной армии. In *Белая борьба на Северо-Западе России*. Сост. Сергей ВОЛКОВ. Москва, 2003, с. 229, 236–237; ГОРНЪ, Василий. *Гражданская война на северо-западе России*. Берлин, 1923, с. 51–52.

⁵⁶ РОЗЕНТАЛЬ, Р. *Северо-Западная армия...*, с. 210.

павшим по времени вооруженным конфликтом с Балтийским Ландесвером в Северной Латвии.⁵⁷ К предположению Брюггеманна можно добавить, что, по всей видимости, Лайдонер не рискнул идти на эскалацию конфликта с Северным корпусом также из-за позиции Англии в ингерманландском вопросе.

В качестве решения Лайдонер распорядился сформировать в Усть-Нарве новый Ингерманландский полк как национальную воинскую часть Эстонской армии в количестве 1 156 солдат и офицеров.⁵⁸ Поскольку Эстонская армия по соответствующим соглашениям была обязана поддерживать Северо-Западную армию, а эстонские солдаты неохотно воевали в России, то создание ингерманландского национального полка частично решало эту проблему. Именно в осеннем наступлении Северо-Западной армии на Петроград Ингерманландский полк составил одну из главных пехотных частей эстонской военной группировки, отправленной на поддержку белых.

Можно сказать, что Ингерманландский полк был просто измучен в боях осенней кампании 1919 г. Этот полк ни разу не сменили на боевых позициях, он практически непрерывно участвовал в боевых действиях с 12 октября 1919 г. и до перемирия 3 января 1920 года. В полку не хватало обмундирования, обуви и оружия, а офицеры часто ходили в штатском.⁵⁹ Во время прорыва красных под Ропшей 25–26 октября 1919 г. 1-й батальон полка был окружен и потерял 127 человек.⁶⁰ Поэтому этот бой можно считать одним из самых кровопролитных в Освободительной войне, наравне с боем возле мызы Паю.⁶¹ Во время отступления от Петрограда в полку началось массовое дезертирство; оставшиеся солдаты засыпали в стрелковых цепях от усталости, а офицеры падали от упадка сил.⁶² По оценке полкового врача, в декабре 1919 г. Ингерманландский полк просто вымирал, поскольку в полку распространились массовые заболевания тифом, цингой, а также случаи нервных срывов и обморожений.⁶³

Несмотря на перечисленные выше обстоятельства и неоднократные обращения командира полка капитана Эмиля Пекканена к начальнику 1-й дивизии ге-

⁵⁷ BRÜGGEMANN, K. *Die Gründung...*, S. 256.

⁵⁸ Решение Лайдонера от 28 августа 1919 г., передано штабом главнокомандующего военному министру Эстонии, 29.08.1919. ERA, f. 495, n. 10, s. 71, l. 173.

⁵⁹ Рапорт командира Ингерманландского полка Главнокомандующему Эстонской армией, декабрь 1919. ERA, f. 495, n. 10, s. 71, l. 193.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ В бою возле мызы Паю, во время операции Эстонской армии и финских добровольцев по овладению городом и железнодорожной станцией Валга 1919 г. со стороны эстонцев и финнов считаются невозвратными потери в 48 человек, а им противостоявшие красные латышские стрелки потеряли 28 человек убитыми. См. точнее SALO, Urmas. Paju lahing: müüt ja tegelikkus. *Ajalooline Ajakiri*, 2000, k. 3, lk. 69–96.

⁶² Командир Ингерманландского полка начальнику 1-й Эстонской дивизии, 18–19.11.1919. ERA, f. 495, n. 10, s. 71, l. 186–187.

⁶³ Старший врач Ингерманландского полка врачу 1-й дивизии, 27.12.1919. ERA, f. 578, n. 2, s. 5, l. 64–65.

нералу Тыниссону с просьбами сменить полк свежими частями из резерва, этого не было сделано. Напротив, в ноябре полк получил приказ занять новую полосу обороны, не соответствовавшую актуальной численности полка в 250 штыков.⁶⁴ Из-за сложившейся обстановки полк был повторно частично окружен красными и потерял в бою почти полностью одну роту. Несмотря на то, что полк все-таки продолжал воевать, Тыниссон в резком тоне грозился расформировать часть «как разбежавшуюся», а действия полка назвал «позорными».⁶⁵ Очевидно, что в глазах Тыниссона все ингерманландцы были, по меньшей мере, подозрительным элементом, если не откровенными «большевиками».⁶⁶

Ингерманландский полк расформировали, как и все национальные части Эстонской армии, во время общей демобилизации в июне 1920 г., а большинство солдат, как уже иностранных граждан, выслали в Советскую Россию.⁶⁷ Несмотря на то, что полк выполнил задачи стратегии активной обороны, будучи всегда на передовой, участвовал в ожесточенных боях с красными и понес серьезные потери, ни один солдат полка не был удостоен эстонских военных наград.⁶⁸ Сам же полк после войны за независимость был, фактически, предан забвению.

Русские национальные части Эстонской армии

Возникновение русских национальных частей можно отнести к попытке формирования т. н. Народных войск Пскова, что в свою очередь связано с авантюрой создания т. н. Псковской республики, за которой стоял начальник эстонской 2-й пехотной дивизии полковник Виктор Пускар. Несмотря на то что попытка создания дружественного Эстонии буферного государства и его вооруженных сил как бы подходила к принципам активной обороны, поддержку Эстонского командования Псковский проект не получил. Отчасти это произошло, видимо, и из-за личностной неприязни Лайдонера и Пускара. Тем не менее, в начале августа 1919 года. Пускар отдал приказал сформировать при 2-й дивизии «Народные

⁶⁴ Командир Ингерманландского полка начальнику 1-й Эстонской дивизии, 18-19.11.1919. ERA, f. 495, n. 10, s. 71, l. 186-187; Рапорт командира Ингерманландского полка Главнокомандующему Эстонской армией, декабрь 1919. ERA, f. 495, n. 10, s. 71, l. 193.

⁶⁵ Резолюция генерал-майора Тениссона командиру Ингерманландского полка, 24.11.1919. ERA, f. 495, n. 10, s. 71, l. 188; Тыниссон – Пекканену, 10.12.1919. Ibid., l. 190. Пекканен – Тыниссону, 08.12.1919. Ibid., l. 191-192. Командир Ингерманландского полка начальнику 1-й Эстонской дивизии, 21.11.1919. Ibid., l. 189.

⁶⁶ Тыниссон – Пекканену, 23.12.1919. ERA, f. 578, n. 2, s. 5, l. 6.

⁶⁷ Список солдат бывшей Северо-Западной армии, подлежащих увольнению с эстонской военной службы, 06.03.1920. ERA, f. 497, n. 2, s. 567, l. 108-112; MUSAYEV, V. Op. cit., p. 60.

⁶⁸ База данных кавалеров Креста Свободы директора Музея Вильянди Яака Пихлака.

войска Пскова» численностью в 5 000 солдат.⁶⁹ С помощью этих формирований Пускар надеялся уменьшить давление Красной армии на части подчиненной ему дивизии, как, в принципе, и с Ингерманландским проектом в полосе обороны 1-й пехотной дивизии. В своих действиях Пускар опирался на находившегося в Пскове небезызвестного атамана Станислава Булак-Балаховича, относившегося к Эстонии более лояльно, чем белогвардейцы Северо-Западной армии.⁷⁰

Как и следовало ожидать, идея Псковской республики и ее армии не понравилась руководству Северо-Западной армии, и 22 августа 1919 г. генерал Родзянко отдал приказ арестовать Балаховича в Пскове. Несмотря на то, что в Псков были отправлены значительные силы для задержания Балаховича, ему удалось бежать вместе с 22 людьми из своей личной сотни на подконтрольную эстонцам территорию. Попытка ареста Балаховича совпала с наступлением красных, которым удалось 25 августа захватить Псков.⁷¹ Утрата Пскова и отступление частей 2-й пехотной дивизии на Изборские (Irboska) позиции положило конец проекту создания «Народных войск Пскова», а уже созданные при эстонских частях немногочисленные русские формирования рассеялись или перешли к белым.⁷²

В тылу 2-й дивизии Балахович объявил о формировании новой «Народной армии», основу которой составила т. н. Литовская сотня Балаховича под командой Сергея Павловского. Отряд получил наименование «Литовская», поскольку находился непродолжительное время летом 1919 г. в Литве, куда его направил сам Балахович будто бы для поддержки Литовской армии. Изучавший биографию Балаховича белорусский историк Юрий Юркевич утверждает, что отряд Павловского участвовал в операции Литовской армии на западном берегу Даугавы в составе Паневежиской группы Стасиса Настопки, где, однако, в самый ответственный момент отказался идти в бой. Поэтому литовский командующий Сильвестр Жукаускас отдал 27 июля 1919 г. балаховцам приказ покинуть Литву, отметив, что не нуждается в услугах Балаховича.⁷³ Так или иначе, но временное отсутствие Павловского пошло на пользу как ему самому, так и Балаховичу. Возвратившись, отряд Павловского, во-первых, избежал разгрома балаховцев во Пскове, а во-вторых, стал основой нового формирования Балаховича.

⁶⁹ ROSENTHAL, R. *Loodearmee...*, lk. 188; ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 321–326. KANGRO, Peeter. *Sakala partisanid 1918–1934*. Viljandi, 1934, lk. 234–235.

⁷⁰ ЮРКЕВИЧ, Юрий. *Дзейнасць Асобнага атрада БНР у Балтыі*. Магістарская праца. Еўрапейскі Гуманітарны Ўніверсітэт. Вільня, 2011, с. 43; ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 321–325; BRÜGGEMANN, K. *Die Gründung...*, S. 238.

⁷¹ ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 334–335, 369; ЮРКЕВИЧ, Ю. *Дзейнасць...*, с. 45–46; Rudolf Lintsi mälestused. *ERA*, f. 2124, n. 3, s. 643, l. 1. РОДЗЯНКО, А. Оп. cit. (2003), с. 273–274.

⁷² KOPÕTIN, I. *Eesti Rahvaväe...*, lk. 103.

⁷³ ЮРКЕВИЧ, Юрась. Стварэнне і дзейнасць Асобнага атрада БНР у Балтыі. In *Балахоўцы: сведчання, дакументы, даследаванні*. Рэд. Юрась ЮРКЕВИЧ. Смаленск, 2014, с. 76–77. Тем не менее, литовцы предлагали 15 сентября 1919 г. перейти Балаховичу на литовскую службу, но без его отряда: KOPÕTIN, I. *Eesti Rahvaväe...*, lk. 45.

В сентябре отряд Балаховича приняли на довольствие 2-й пехотной дивизии, а в начале октября 1919 г. задействовали в операциях против Красной Армии в направлении города Остров. На фронте отряд Балаховича показал себя с лучшей стороны: в боях с красными балаховцы, используя элементы партизанской тактики, разгромили один полк красных. Также в течение месяца они взяли в плен сотни красноармейцев, большое количество оружия и снаряжения.⁷⁴

Отряд Балаховича был официально принят в состав Эстонской армии приказом главнокомандующего от 1 ноября 1919 г. как «сформированный из русских отдельный батальон Балаховича».⁷⁵ В составе батальона числилось 30–47 офицеров и, по состоянию на 1 ноября, 743 солдата.⁷⁶ Однако при проверке представителей штаба 2-й дивизии выяснилось, что на деле у Балаховича было меньше людей, чем сообщалось в дивизию. Махинации с цифрами совершались в целях получения завышенной нормы продовольствия, из-за чего Пускар пригрозил отдать Балаховича под полевой суд.⁷⁷ Кроме того, балаховцы занимались откровенным грабежом местного населения в прифронтовой зоне,⁷⁸ а в боях охотились за трофеями. Так, например, разгромив в бою 16 октября 478-й стрелковый полк Красной Армии, балаховцы взяли полковую кассу с суммой в 100 000 рублей.⁷⁹ В любом случае, неуправляемость Балаховича в глазах Пускара компенсировалось его успешными боевыми действиями. Так, в наступлении на Псков 5–6 ноября 1919 г. батальон Балаховича, будучи на направлении главного удара в авангарде дивизии, продвинулся дальше всех, и, несмотря на высокие потери, с боями форсировал реку Великую, а также перерезал железнодорожное сообщение противника на направлении Псков – Полоцк.⁸⁰

Поиски лучшего содержания и денежного довольствия вывели Балаховича на контакт с военным представителем Белорусской Народной Республики в Балтии, от которого он получил статус «Особого отряда БНР в Балтии» и деньги.⁸¹ При этом балаховцы оставались в составе Эстонской армии и получали довольствие от 2-й дивизии. Сами же балаховцы называли себя не иначе как «Отдель-

⁷⁴ КОРӨТИН, I. *Eesti Rahvaväe...*, lk. 40–41.

⁷⁵ Приказ главнокомандующего № 771, 26.11.1919. ERA, f. 497, n. 2, s. 567, l. 60.

⁷⁶ Именной список отряда Булак-Балаховича, ноябрь 1919. ERA, f. 498, n. 9, s. 46, l. 4–37; ЮРКЕВИЧ, Ю. *Дзейнасць...*, с. 76.

⁷⁷ Телеграммы Балаховича Пускару и в штаб 2-й дивизии, 11.12. и 30.11.1919. ERA, f. 636, n. 1, s. 284, l. 542–544.

⁷⁸ Оперативная переписка Качановского батальона, 1919. ERA, f. 562, n. 1, s. 16, l. 16.

⁷⁹ КОРӨТИН, I. *Eesti Rahvaväe...*, lk. 41; ЮРКЕВИЧ, Ю. *Дзейнасць...*, с. 71–72.

⁸⁰ Телеграммы Булак-Балаховича Пускару, 06. и 07.11.1919. ERA, f. 636, n. 1, s. 284, l. 567, 569–570; Балахович – Пускару, 20.12.1919. Ibid., l. 587–589 (49–51); Павловский – Балаховичу, 29.12.1919. Ibid., l. 592 (54).

⁸¹ ЮРКЕВИЧ, Ю. *Дзейнасць...*, с. 62–66; ЛАТЫШОНАК, Алг. *Жайнеры БНР*. Białystok-Vilnius, 2014, с. 267–268.

ный батальон Добровольческой Народной армии атамана Булак-Балаховича». ⁸² Когда у БНР закончились деньги для Балаховича, а Эстония заключила мир с большевиками, Балахович безуспешно пытался поступить на службу Латвии, а затем был принят в Войско Польское. Когда эстонцы приняли решение расформировать батальон Балаховича и отправили для этого взвод солдат, то латвийские власти воспрепятствовали этому под предлогом того, что балаховцы в тот момент находились на территории Латвийской республики. ⁸³

Личный состав батальона Балаховича был поистине пестрым. По данным самого Балаховича, в батальоне было 41 % русских, 23 % украинцев, 21 % белорусов, 8 % поляков, 7 % представителей других народов. ⁸⁴ Все же по данным Эстонской армии, батальон Балаховича состоял преимущественно из русских, что очевидно из поименного списка. ⁸⁵ Видимо, деление по национальному признаку было нужно Балаховичу в дальнейшем для переговоров с белорусами и поляками о переходе к ним на службу. Сложно точно определить происхождение добровольцев Балаховича, но очевидно, что большое их количество составляли бывшие пленные и перебежчики из Красной Армии и Северо-Западной армии, «зеленые» партизаны и криминальный элемент из российских губерний, а также случайные люди и искатели приключений, в том числе и иностранцы. Поэтому, в принципе, неудивительно, что польское командование по прибытии батальона Балаховича в Брест первым делом отдало приказ поместить балаховцев в карантинный лагерь, чтобы удалить из отряда «сотню бандитов» и привести отряд в надлежащий военный порядок. ⁸⁶

Другой русской национальной воинской частью Эстонской армии был Качановский отдельный батальон. ⁸⁷ Он был сформирован по приказу главнокомандующего Лайдонера от 17 сентября 1919 г. «из тех русских, которые желают воевать

⁸² Балахович – Павловскому, 11.12.1919; Балахович – Пускару, 03.11.1919; Иванов – Лайдонеру, декабрь 1919. *ERA*, f. 636, n. 1, s. 284, 542, 573 (35), 578 (40); ЛАТЫШОНАК, А. *Op. cit.*, с. 267–268; ЮРКЕВИЧ, Ю. *Дзейнасць...*, с. 62–66.

⁸³ Bulak-Balahhovitši telegramm alampolkovnik Pavlovskile, 28.12.1919. *ERA*, f. 636, n. 1, s. 284, l. 540; ЮРКЕВИЧ, Ю. *Дзейнасць...*, с. 87; ГРИЦКЕВИЧ, Анатолий. *Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию*. Минск, 2009, с. 410; ЕКАБСОНС, Эрикс. Латвия и российский Северный корпус (Северо-Западная армия Юденича) в 1918–1920 гг. In *Россия и Балтия. Эпоха перемен (1914–1924)*. Ред. Евгения НАЗАРОВА. Москва, 2002, с. 148; JĒKABSONS, Ēriks. *Latvija un Krievu Ziemeļu korpus (Judeņiča Ziemeļrietumu armija) 1919–1920. Latvijas Kara Muzeja Gadagrāmata*, 2001, II, 78.–79. lр.

⁸⁴ KARPUS, Zbigniew. *Wschodni sojusznicy Polski w okresie wojny polsko-sowieckiej 1920 roku*. In *Wojna o wszystko. Opowieść o wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920*. Red. Witold SIENKIEWICZ. Warszawa, 2010, s. 263.

⁸⁵ Именной список отряда Булак-Балаховича, ноябрь 1919. *ERA*, f. 498, n. 9, s. 46, l. 4–37.

⁸⁶ ЮРКЕВИЧ, Ю. *Дзейнасць...*, с. 89–90; ЮРКЕВИЧ, Ю. *Стварэнне...*, с. 151; ЛАТЫШОНАК, А. *Op. cit.*, с. 134–138; KARPUS, Z. *Op. cit.*, s. 263.

⁸⁷ Подробнее читать о Качановском батальоне на русском языке: КОПЫТИН, Игорь. Качановский отдельный батальон. In *Россия и Балтия*, вып. 6. Ред. Евгения НАЗАРОВА. Москва, 2011, с. 74–96.

против большевиков под нашим командованием».⁸⁸ Основой национального формирования стал бывший Качановский «зеленый» добровольческий отряд, возникший при поддержке эстонского Сакалаского партизанского батальона в июне 1919 г. в Качановской волости Островского уезда Псковской области.⁸⁹ В августе 1919 г. отряд вошел в состав 2-го стрелкового полка «Народных войск Пскова», а по окончании Псковского проекта остался в распоряжении Эстонской армии. В Качановский батальон влились Палкинский партизанский отряд «зеленых» и некоторые остатки бывших рот «Народных войск Пскова», оставшихся еще в распоряжении воинских частей 2-й пехотной дивизии.⁹⁰

Качановский батальон осенью 1919 г. был задействован в боях местного значения на Островском направлении, в основном, в своей родной Качановской волости. Видимо, именно это обстоятельство обусловило эффективность боевого применения части, которая при взаимодействии с другими частями 2-й пехотной дивизии, в том числе и с батальоном Балаховича, добилась некоторого успеха.⁹¹ Поскольку волостной центр Качаново, как и целый ряд населенных пунктов, из которых происходили солдаты, к этому времени перешел под контроль красных, в батальоне участились случаи дезертирства. К 31 декабря 1919 г. дезертирами являлось 9 % всего личного состава.⁹²

С заключением Тартуского мира возникла ситуация, когда Качановская волость не вошла в состав Эстонской республики. Поэтому часть солдат и офицеров дезертировала в Латвию с целью поступления на службу в Латвийскую армию, которая в кампании 1920 года продолжила борьбу за овладение Качановской волостью.⁹³ Дезертирство усилилось еще больше, когда в марте 1920 г. началась общая демобилизация армии и солдаты Качановского батальона, не дожидаясь приказа, расходились по домам десятками, иногда прихватив с собой

⁸⁸ Приказ Главнокомандующего № 574, 17.09.1919. *ERA*, f. 497, n. 2, s. 567, l. 61; Приказ Главнокомандующего № 575, 17.09.1919. *ERA*, f. 957, n. 11, s. 128, l. 18.

⁸⁹ КОРӨТИН, Igor. Katšanova üksikpataljon. *Eesti sõjaajaloo aastaraamat*, 2011, k. 1 (7), lk. 73–77.

⁹⁰ Служебная переписка Качановского батальона, 1919 г. *ERA*, f. 579, n. 1, s. 19, [номер листа отсутствует]. О движении «зеленых» в России, в том числе и в Псковской губернии см. ПОСАДСКИЙ, Антон. *Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми 1918–1922 гг.* Москва, 2017.

⁹¹ KANGRO, P. Op. cit., lk. 262–265; Воспоминания Вастиссона о бое за Андреново, 27.09.1919. *ERA*, f. 562, n. 1, s. 17, l. 34; ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 395.

⁹² Приказы по отдельному Качановскому батальону, 1919. *ERA*, f. 579, n. 1, s. 20, l. 205–206, 220.

⁹³ KAPENIEKS, Krišs. Latvijas armijas darbība 1920. gadā Ostrovas apriņķī. *Latvijas Kara Muzeja Gadagrāmata*, 2013, XIV, 114.–115. лр. Интересным можно считать случай с фельдфебелем Качановского батальона Семеном Моховым, который после заключения Тартуского мира бежал в Латвию, где поступил на службу в Латвийскую армию и заслужил Крест Лачплесиса. Несмотря на то, что в Эстонской армии он считался дезертиром, он был также удостоен Крестом Свободы (PILHAK, Jaak. *Karutapjad ja Ristimehed*. Magistritöö. Tartu Ülikool. Tartu, 2006, lk. 59).

оружие и снаряжение.⁹⁴ Так, например, только за май 1920 г. в батальоне зафиксировали 150 случаев дезертирства.⁹⁵

В целом можно сказать, что мотивация качановцев служить в Эстонской армии была обусловлена прежде всего интересом борьбы с красными в своей волости. Качановцы воевали до тех пор, пока это можно было делать под эстонским флагом и на эстонские деньги. После выхода Эстонии из войны часть качановцев продолжила борьбу за свою волость в составе уже находившейся там Латвийской армии. В любом случае, использование Качановского батальона на другом участке фронта войны за независимость Эстонии вряд ли представлялось бы возможным.

Балтийский батальон

По сути, единственной национальной частью Эстонской армии, сформированной действительно из национальных меньшинств, проживавших в Эстонии, был Балтийский батальон. Эта воинская часть возникла по инициативе балтийских немцев, имевших очень хорошую общинную организацию. Изначально под вопросом военной организации балтийских немцев понималось создание ополчения Ландесвер – вооруженной силы Балтийского герцогства, неудачного проекта балтийских немцев и германских оккупационных властей. Однако Ноябрьская революция в Германии, поражение Германии в Первой мировой войне и наступление Красной Армии в Прибалтике заставило балтийских немцев позаботиться о своей безопасности.⁹⁶

На основании мемуаров балтийских немцев – участников войны за независимость Эстонии в составе Балтийского батальона можно сделать вывод, что возникновение военной организации балтийских немцев в Эстонии было связано с вопросом обороны Балтии, земель их рыцарских предков, от нашествия большевистских варваров, представлявших угрозу германской культуре в регионе.⁹⁷ Так или иначе, но самоорганизация балтийских немцев для отпо-

⁹⁴ Батальонная служебная переписка, дата. *ERA*, f. 579, n. 1, s. 4, l. 597, 626–632, 640–645, 653–654, 684, 707.

⁹⁵ Приказы отдельному Качановскому батальону, май 1920. *ERA*, f. 579, n. 1, s. 12, l. 19–20; Приказ № 115 по отдельному Качановскому батальону, 21.04.1920. *Ibid.*, l. 159.

⁹⁶ KRUSENSTJERN, Georg von. *MG-Mann im Baltenregiment. Tagebuchblätter*. Tallinn, 1938; Nachdruck: Hannover-Döhren, 1968, S. 3–5, 56.

⁹⁷ ÕISMAA, Siim. Balti pataljoni formeerimisest ja koosseisust. *Eesti sõjajaloo aastaraamat*, 2011, k. 1 (7), lk. 43; DELLINGSHAUSEN, Eduard von. *Kodumaa teenistuses*. Tallinn, 1994, lk. 210–212; WRANGELL, Wilhelm. *Geschichte des Baltenregiments. Das Deutschtum Estlands im Kampfe gegen den Bolschewismus 1918–1920*. Reval, 1928, S. 4.

ра вторжению красных ни в коем случае не была связана с идеей борьбы за Эстонскую республику.

Конечно, это понимало и руководство Эстонской республики, которое в сложной ситуации, сложившейся поздней осенью 1918 г., нуждалось в любой военной поддержке и именно поэтому заключило соответствующий договор с представителями балтийского дворянства о создании воинской части из балтийских немцев для обороны Эстонии.⁹⁸ Дальнейшее развитие событий лишь подтверждает мысль о том, что возникновение и деятельность Балтийского полка была для эстонского руководства и военного командования лишь досадным обстоятельством.

Уже в первых столкновениях с Красной армией Балтийский батальон показал себя боеспособной, высокомотивированной и дисциплинированной воинской частью. Следует отметить участие Балтийского батальона в ожесточенных боях на территории России, на Петроградском направлении, где добровольцы продемонстрировали воинскую доблесть и понесли при этом ощутимые людские потери.⁹⁹ Немалую роль в мотивации части сыграло социальное происхождение добровольцев, из которых около 20 % были студенты, 7 % помещики, а также значительное число бывших кадровых офицеров Российской армии, конторских работников, гимназистов, купцов и инженеров.¹⁰⁰

По данным современного эстонского историка Рейго Розенталя, само существование воинской части из остзейских немцев в составе Эстонской армии вызывало серьезное беспокойство в некоторых кругах руководства армией.¹⁰¹ Одним из противников военной организации балтийских немцев был видный эстонский военачальник, командир 1-й пехотной дивизии генерал-майор Александр Тыниссон. Несмотря на то что он признавал высокую боеспособность Балтийского батальона, он считал нужным расформировать эту национальную часть по политическим соображениям.¹⁰² Главнокомандующий Лайдонер не решился на расформирование части, но согласился с идеей Тыниссона весной 1919 г. подчинить Балтийский батальон в оперативном плане белогвардейскому Северному корпусу. Таким образом, Балтийский батальон, оставаясь фор-

⁹⁸ Протокол переговоров между Эстонским Временным правительством и представителями остзейского дворянства, 26.11.1918, *ERA*, f. 581, n. 1, s. 73, l. 82–83; WRANGELL, W. Op. cit., S. 6–7; ÕISMAA, S. *Balti pataljoni formeerimisest...*, lk. 43; TREI, Armand. *Unustatud rügement. Balti pataljon (rügement) Vabadussõjas*. Tallinn, 2010, lk. 12–13.

⁹⁹ TREI, A. Op. cit., lk. 183–187.

¹⁰⁰ ÕISMAA, Siim. *Balti pataljon Vabadussõjas*. Bakalaureusetöö. Tallinna Ülikool. Tallinn, 2008, lk. 11; Über Burschen in den Freikorps im Baltikum 1918–1920. *Burschen Raus!*, 1998–1999, Nr. 6. Дата обращения 01.03.2017. URL: <https://www.nadir.org/nadir/periodika/anarcho_randalia/br_6/br6la5.htm>. По данным командующего резервами Эстонской армии полковника Пауля Лилля все 71 помещик в на службе в Эстонской армии были в Балтийском батальоне: Доклад Лилля военному министру и списки помещиков на службе Эстонской армии, 07.02.1920. *ERA*, f. 62, n. 49, s. 10, l. 48–60.

¹⁰¹ ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 147.

¹⁰² ÕISMAA, S. *Balti pataljoni formeerimisest...*, lk. 53.

мированием Эстонской армии, находился далеко от границ Эстонии, по другую сторону Чудского озера.¹⁰³ При подчинении части белым, Лайдонер, кроме прочего, сообщил Родзянко, что батальон состоит из политически ненадежных для Эстонии элементов.¹⁰⁴ Кульминационным моментом стал конфликт с Ландесвером, когда Тыниссон потребовал от Лайдонера вернуть Балтийский батальон в Эстонию и разоружить всех немцев.¹⁰⁵ Однако, несмотря ни на что, Балтийский батальон сохранил верность и не поддержал Ландесвер, по крайней мере, открыто.

Нападки эстонского военного командования на Балтийский батальон продолжались вплоть до конца войны и расформирования Балтийского батальона. Так, например, в марте 1919 г. Лайдонер отдельным приказом по армии потребовал от Балтийского батальона прекратить разговаривать между собой на немецком языке и перейти на «государственный».¹⁰⁶ В апреле 1919 г. Лайдонер также отдельным приказом по всей армии запретил Балтийскому батальону использовать национальные символы (бело-синий цвета) на униформе.¹⁰⁷ Удивительно, как главнокомандующий находил время, помимо выполнения своих основных функций, обращать внимание на такие, казалось бы, мелочи. Целью подобных приказов, была, по-видимому, попытка унижить балтийских немцев перед всей Эстонской армией. Так или иначе, в Балтийском батальоне как боевой части на фронте эти приказы главнокомандующего игнорировались, поскольку еще в марте 1920 г. командиру Таллиннского гарнизона предписывалось задерживать чинов Балтийского батальона и штрафовать их за использование символов национальной части.¹⁰⁸ Важно отметить, что Балтийскому батальону, несмотря на наличие необходимых людских и материальных ресурсов, до конца войны так и не позволили развернуться в полк. Несмотря на это, сами чины данного национального воинского формирования, как, впрочем, и русские белогвардейцы, именовали Балтийский батальон полком. В эстонских официальных документах, как и в нынешней историографии, эта воинская часть называется батальоном.

¹⁰³ ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 216.

¹⁰⁴ Laidoner – Rodzjanko, 27.06.1919. *ERA*, f. 495, n. 10, s. 71, l. 98.

¹⁰⁵ Тыниссон – Лайдонеру, секретная телеграмма, 06.06.1919. *ERA*, f. 495, n. 10, s. 87, l. 208; Лайдонер – Тыниссону, секретная телеграмма, 06.06.1919. *Ibid.*, l. 210; ÕISMAA, S. *Balti pataljon Vabadussõjas...*, lk. 12–13; TREI, A. *Unustatud rügement...*, lk. 167. Примечательно, что и Эстонская делегация дипломатов на Парижской мирной конференции рекомендовала Лайдонеру прекратить поддерживать Балтийский батальон (ср. ROSENTHAL, R. *Laidoner...*, lk. 309). Также важно отметить всплеск антинемецких настроений в Эстонской армии и обществе, из-за чего был расформирован немецкий отряд Кайтселиита в Таллинне, а пополнение для Балтийского батальона, из-за опасения столкновений с населением, отправляли из Таллинна в Нарву морем (WRANGELL, W. *Op. cit.*, S. 110–112; HARTGE, Oswald. *Auf des Lebens großer Waage. Erinnerungen 1895–1939*. Hannover-Döhren, 1968, S. 338; ÕISMAA, S. *Balti pataljoni formeerimisest...*, lk. 55).

¹⁰⁶ Sõjavägede ülemjuhataja päevakäsk nr 101, 16.03.1919. *ERA*, f. 497, n. 2, s. 567, l. 326.

¹⁰⁷ Sõjavägede ülemjuhataja päevakäsk nr 143, 20.04.1919. *ERA*, f. 497, n. 2, s. 567, l. 328.

¹⁰⁸ Korraldusvalitsuse salajane kirjavahetus, 22.03.1920. *ERA*, f. 497, n. 2, s. 567, l. 203.

Крайне недоброжелательное отношение эстонского военного командования к национальному формированию балтийских немцев можно объяснить исторической памятью эстонцев, обусловленной историческим нарративом многовекового национального гнета. С другой стороны, балтийские немцы, несмотря на вероятное сожаление об утрате прежних привилегий, сохраняли свою внешнюю лояльность Эстонии. Так, по мнению летописца Балтийского батальона барона Вильгельма Врангеля, участие балтийских немцев в войне за независимость Эстонии утвердило их положение в Эстонской республике.¹⁰⁹ Сам же Лайдонер в послевоенное время на примере Балтийского батальона способствовал возникновению мифа об участии национальных меньшинств в войне за независимость Эстонии.¹¹⁰ При этом противоречия, имевшие место в годы войны, были по политическим соображениям деликатно забыты.

Выводы

Роль национальных меньшинств в эстонской войне за независимость была, в силу их малочисленности, малозначительным фактором, не имевшим серьезного влияния на исход событий. Кроме того, на основании фактов можно заключить, что отношение национальных меньшинств к проекту Эстонской республики было осторожным, или иногда даже враждебным. Показательным является участие в войне наиболее многочисленной группы национальных меньшинств Эстонии – русских. Здесь важно отметить, что небольшое городское русское население переживало за события всероссийского масштаба, рассматривая Эстонию лишь как субъект России, а русское крестьянское население приграничных территорий не было мотивировано воевать за чужую для них национальную республику. Именно поэтому на приграничных территориях эстонские военно-административные власти были вынуждены применить репрессивные методы для мобилизации русских.

Изучив и сравнив между собой сформированные в Эстонской армии национальные части в контексте событий войны за независимость, можно утверждать, что эстонское руководство, в принципе, не желало видеть в рядах Эстонской армии национальные части, созданные из национальных меньшинств. Из четырех национальных отдельных войсковых частей лишь одна из них – Балтийский батальон – была сформирована действительно из проживавших в Эстонии балтийских немцев и по их инициативе. Два русских батальона и Ингерманландский полк формировались все же из иностранцев, хотя и были объявлены националь-

¹⁰⁹ WRANGELL, W. Op. cit., S. 85.

¹¹⁰ BRÜGGEMANN, K. *Die Gründung...*, S. 197.

ными частями Эстонской армии. В любом случае, эстонское командование не было заинтересовано в создании национальных частей из эстонских граждан, поскольку это не способствовало консолидации эстонского народа в войне.

Поскольку у печорских русских отсутствовала собственная интеллигенция, способная выразить интересы этой этнической региональной группы, то эстонские власти в принудительном порядке создали из них обычный пехотный батальон как подразделение 7-го пехотного полка. Создание национальной части из печорских русских было бы явно не в интересах Эстонии. В отличие от русских, балтийские немцы, как некогда привилегированная национальная группа с выдающейся внутренней организацией, все же создали свою национальную часть. Причем формирование национальной части балтийских немцев происходило параллельно с созданием Эстонской армии и эстонское руководство должно было с этим смириться, хотя и как с досадным для них фактом. Несмотря на это, в послевоенные годы факт создания и деятельности Балтийского батальона был использован в патриотическом нарративе борьбы всех народов Эстонии за ее государственную независимость.

Русские батальоны Балаховича, Качановский, Ингерманландский полки были сформированы с помощью Эстонской армии и использовались эстонским военным командованием в качестве буферных войск в стратегии активной обороны. Использование этих частей было необходимо, чтобы снизить давление Красной армии на регулярные части Эстонской армии, повысить формальное участие Эстонской армии в военных операциях белых, а также, по возможности, заменить маломотивированные эстонские регулярные части на фронте в России. По замыслу эстонского военного командования эти контролируемые эстонцами и лояльные к Эстонской республике воинские части должны были заменить нелояльных белогвардейцев в качестве союзников в войне против большевиков. Однако, как показало развитие событий, достаточно смелым военно-политическим амбициям эстонского военного командования не суждено было сбыться как в силу внутренних противоречий, так и в силу незаинтересованности Антанты в расколе белого движения на Северо-Западе России.

Так или иначе, следует признать, что использование национальных формирований Эстонской армии в войне за независимость остается маргинальным, хотя и небезынтесным опытом эстонской военной истории. В любом случае, национальным частям в силу сложившихся обстоятельств не довелось оказать существенного влияния на исход боевых действий в войне за независимость Эстонии, а их история после войны была частично забыта, а отчасти использована государственной пропагандой.

Список исследований, цитируемых в статье

- ГРАФ, Мати. *Эстония и Россия 1917–1991: Анатомия расставания*. Таллинн, 2007.
- ГРИЦКЕВИЧ, Анатолий. *Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию*. Минск, 2009.
- ЕКАБСОНС, Эрикс. Латвия и российский Северный корпус (Северо-Западная армия Юденича) в 1918–1920 гг. In *Россия и Балтия. Эпоха перемен (1914–1924)*. Ред. Евгения НАЗАРОВА. Москва, 2002, с. 128–158.
- КОПЫТИН, Игорь. Качановский отдельный батальон. In *Россия и Балтия*, вып. 6. Ред. Евгения НАЗАРОВА. Москва, 2011, с. 74–96.
- ЛАТЫШОНАК, Алэг. *Жаўнеры БНР*. Białystok-Vilnius, 2014.
- ПОСАДСКИЙ, Антон. *Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми 1918–1922 гг.* Москва, 2017.
- РОЗЕНТАЛЬ, Рейго. *Северо-Западная армия. Хроника побед и поражений*. Tallinn, 2012.
- ЮРКЕВИЧ, Юрий. *Дзейнасць Асобнага атрада БНР у Балтыі*. Магістарская праца. Еўрапейскі Гуманітарны Ўніверсітэт. Вільня, 2011.
- ЮРКЕВИЧ, Юрась. Стварэнне і дзейнасць Асобнага атрада БНР у Балтыі. In *Балахоўцы: сведчанні, дакументы, даследаванні*. Рэд. Юрась ЮРКЕВИЧ. Смаленск, 2014, с. 25–158.
- BRÜGGEMANN, Karsten. *Die Gründung der Republik Estland und das Ende des „Einen und mittelbaren Rußland“. Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920*. Wiesbaden, 2002.
- BRÜGGEMANN, Karsten. *Estnische Erinnerungsorte: Die Schlacht von Wenden gegen die Baltische Landeswehr im Juni 1919 als Höhepunkt der nationalen Geschichte*. Опубликовано 09.03.2004. Дата обращения 10.01.2018. URL: <<http://www.eurozine.com/estnische-erinnerungsorte-die-schlacht-von-wenden-gegen-die-baltische-landeswehr-im-juni-1919-als-hohepunkt-der-nationalen-geschichte/>>.
- CHEN, Pin-Yu Paris. *Race, Nation and Eugenics in Interwar Estonian Radical Right Journal ERK Magazine*. Master's Thesis. University of Tartu & University College London. Tartu, 2017.
- CIGANOVŠ, Juris. *Latvijas neatkarības karš 1918–1920*. Riga, 2013.
- Eesti Vabadussõda 1918–1920*. 1–2. kd. Koost. August TRAKSMAA. Tallinn, 1996–1997.
- ГРАФ, Мати. *Eesti Rahvusriik. Ideed ja lahendused ärkamisajast Eesti Vabariigi sünnini*. Tallinn, 1993.
- HASLINGER, Peter; PUTTKAMER, Joachim von. Staatsmacht, Minderheit, Loyalität – konzeptionelle Grundlagen am Beispiel Ostmittel- und Südosteuropas in der Zwischenkriegszeit. In *Staat, Loyalität und Minderheiten in Ostmittel- und Südosteuropa 1918–1941*. Hrsg. von Peter HASLINGER, Joachim von PUTTKAMER. München, 2007, S. 1–16.
- HIIE, Piret. *1919. aasta mäss Muhu- ja Saaremaal*. Kuressaare, 2010.
- JĒKABSONS, Ēriks. Latvija un Krievu Ziemeļu korpus (Judeņiča Ziemeļrietumu armija) 1919–1920. *Latvijas Kara Muzeja Gadagrāmata*, 2001, II, 54.–84. lpp.
- KAPENIEKS, Krišs. Latvijas armijas darbība 1920. gadā Ostrovas apriņķī. *Latvijas Kara Muzeja Gadagrāmata*, 2013, XIV, 94.–116. lpp.
- KARPUS, Zbigniew. *Wschodni sojusznicy Polski w okresie wojny polsko-sowieckiej 1920 roku*. In *Wojna o wszystko. Opowieść o wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920*. Red. Witold SIENKIEWICZ. Warszawa, 2010, s. 258–275.
- KOPŌTIN, Igor. *Eesti Rahvaväe vene sõdurid Vabadussõjas 1918–1920*. Tallinn, 2014.
- KOPŌTIN, Igor. Katšanovi üksikpataljon. *Eesti sõjaajaloo aastaraamat*, 2011, k. 1 (7), lk. 73–99.
- LÕUNA, Kalle. *Petserimaa. Petserimaa integreerimine Eesti Vabariiki 1920–1940*. Tallinn, 2003.
- MAIDE, Jaan; VALDIN, Ernst. *6. jalaväepolk Vabadussõjas: 1918–1920*. Tallinn, 1938.
- MATTILA, Jukka I.; NIINISTÖ, Jussi. *Pohjan Pojat. Kuvahistoria suomalaisen vapaaehtoisrykementin vaiheista Viron vapaussodassa 1919*. Helsinki 1999.
- MUSAYEV, Vadim. *The Ingrian Question as a Historical and Political Phenomenon*. Praha, 2000.

- ÕISMAA, Siim. Balti pataljoni formeerimisest ja koosseisust. *Eesti sõjaajaloo aastaraamat*, 2011, k. 1 (7), lk. 42–68.
- ÕISMAA, Siim. *Balti pataljon Vabadussõjas*. Bakalaureusetöö. Tallinna Ülikool. Tallinn, 2008.
- PIHLAK, Jaak. *Karutapjad ja Ristimehed*. Magistritöö. Tartu Ülikool. Tartu, 2006.
- ROSENTHAL, Reigo. *Laidoner – väejuht. Johan Laidoner kõrgema operatiivjuhi ja strateegia kujundajana Eesti Vabadussõjas*. Tallinn, 2008.
- ROSENTHAL, Reigo. *Loodearmee*. Tallinn, 2006
- SALO, Urmas. Paju lahing: müüt ja tegelikkus. *Ajalooline Ajakiri*, 2000, k. 3, lk. 69–96.
- TREI, Armand. *Unustatud rügement. Balti pataljon (rügement) Vabadussõjas*. Tallinn, 2010.
- Über Burschen in den Freikorps im Baltikum 1918–1920. *Burschen Raus!*, 1998–1999, Nr. 6. Дата обращения 01.03.2017. URL: <https://www.nadir.org/nadir/periodika/anarcho_randalia/br_6/br6la5.htm>.
- Vabadussõjast taasiseseisvumiseni* (Eesti ajalugu, VI). Peatoim. Sulev VAHTRE. Tartu, 2005.
- WRANGELL, Wilhelm. *Geschichte des Baltenregiments. Das Deutschtum Estlands im Kampfe gegen den Bolschewismus 1918–1920. In den Krieg um die Heimat*. Reval, 1928.
- ZIELIŃSKI, Henryk. *Historia Polski 1914–1939*. Wrocław, 1985.
- ZVIDRIŅŠ, Pēteris. Latvijas demogrāfiskā attīstība pēc neatkarības atgūšanas. In *Latvieši un Latvija*. III sējums. Atjaunotā Latvijas valsts. Red. Jānis STRAZDIŅŠ. Rīga, 2013, 309.–337. lp.

NATIONAL MINORITIES AND NATIONAL UNITS IN THE ESTONIAN ARMY DURING THE ESTONIAN WAR OF INDEPENDENCE, 1918–1920

Igor Kopõtin

Summary

The article analyses issues related to the participation of national minorities in the Estonian War of Independence of 1918–1920. National minorities comprised only approximately 11% to 15% of the population, but the Estonian military command and the political authorities took note of them. This may be explained by the fact that the two largest ethnic groups, Russians and Germans, had dominated earlier, so their influence on the situation in the country was disproportionately large.

The Estonian Manifesto of Independence, declared on 23 February 1918, appealed to all the nations of Estonia. Having the status of a constitutional document, it guaranteed the rights of all national minorities. A few years after the war, members of the Estonian military and political elites started to propagate the idea that all nations in Estonia had participated in the War of Independence, in order to encourage unity in society. However, what was the actual role of national minorities in the Estonian War of Independence of 1918–1920, especially from the military and political points of view?

The main question analysed in the article is the relationship between national minorities and the Estonian army, and their loyalty. From another point of view, the article analyses the attitude of the Estonian military command towards the use of national minorities for military purposes. For example, the participation by the largest national minority in Estonia, the Rus-

sians, should be characterised by two features. First, in fact, many Russian-speaking town dwellers were worried about the events on an all-Russian scale, perceiving Estonia as a part of Russia. Second, Russian peasants living near the border had no feeling for the Republic, which was completely alien to them. Therefore, the Estonian military and political authorities had to apply repressive methods in order to mobilise Russians in the border regions.

Despite this, Johan Laidoner, the senior commander of the Estonian armed forces, distinguished clearly Estonian Russians, former subjects of Russia, from Russian citizens. That is precisely why the Russian White Guards were not allowed to mobilise Russians who were residents of Estonia from previous times into the Northwest Army (former Northern Corps). However, emigrés from Russia were told to either join the Northwest Army or to leave the Republic.

One of the decisions influencing the use of national minorities in the war was the creation of national units in the Estonian army. However, having analysed the national units in the context of the War of Independence, and compared the national units formed in the Estonian Army with each other, it can be stated that the Estonian authorities did not in fact wish to see national units created by minorities at their own initiative in the Estonian armed forces. One such unit was the Baltic Voluntary Battalion (better known as *Freiwilligen Baltenregiment* in German), formed by local Germans out of former Baltic governorates at the same time that the Estonian army was created. Despite participating in military action and demonstrating a strong fighting spirit, this military formation was constantly suspected and criticised by both the Estonian military command and ordinary Estonian soldiers. But all this did not keep the authorities from exploiting the fact of the foundation and activities of the battalion in the narrative about the struggle by all Estonian nations for state independence.

The other national units, two Russian battalions and the Ingermanlandian Regiment, were in fact formed from foreigners, even though they were declared national units of the Estonian army. These units, like the Baltic Voluntary Battalion, were used as advance forces by the Estonian military command, implementing General Laidoner's strategy of active defence beyond the borders of Estonia. The use of these units had to both increase participation by Estonia in the military operations of the White Guards and to replace poorly motivated Estonian regular forces on the Russian front where possible. According to the Estonian military command, these units, controlled by Estonians and loyal to the Republic of Estonia, had to replace disloyal White Guards and become allies in the war against the Bolsheviks. However, the course of events was eventually unfavourable for such courageous ambitions by the Estonian military command. It was determined both by internal contradictions and by the interest of the Entente in encouraging dissent among the White Guards movement in the northwest of Russia.

A separate question is the use of human resources, especially Russian peasants from the Petchory area, a frontier area in the war. The Petchory Russians did not have their own intelligentsia to express the interests of this regional group, so the Estonian authorities formed an ordinary infantry battalion as part of the 7th infantry regiment by force. The formation of a national unit of Petchory Russians would not have been in the interests of Estonia. The 7th infantry regiment was well known for being poorly disciplined, and it suffered from a high desertion rate.

Anyway, the use of national units in the Estonian army during the War of Independence is marginal, although quite an interesting experience in Estonian military history. Due to their insignificant size, the role of national units in the Estonian War of Independence did not have much impact on the outcome. In addition, the facts show clearly that the view of the national minorities towards the notion of the Republic of Estonia was cautious, and at times even hostile. The Estonian military command was not interested in creating national units from Estonian citizens, because it would not add to the consolidation of the Estonian nation in the war.

After the war, the existence of national units during the Estonian War of Independence was partially forgotten, and partially exploited for the sake of state propaganda.

ESTIJOS KARIUOMENĖS TAUTINIAI DALINIAI IR TAUTINĖS MAŽUMOS ESTIJOS KARE DĖL NEPRIKLAUSOMYBĖS (1918–1920 METAI)

71

Igor Kopõtin

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjami klausimai, susiję su tautinių mažumų dalyvavimu 1918–1920 m. Estijos kare dėl nepriklausomybės. Tautinės mažumos Estijoje sudarė tik maždaug 11–15 proc. gyventojų, tačiau Estijos karinė ir politinė vadovybė kreipė į jas dėmesį. Matyt, tai aiškintina tuo, kad dvi didžiausios etninės grupės – rusai ir vokiečiai – kažkada Estijoje vyravo, tad jų poveikis padėčiai šalyje dažnai buvo neproporcingai didelis.

1918 m. vasario 23 d. paskelbtas Estijos nepriklausomybės manifestas savąja antrašte kreipėsi į visas Estijos tautas. Turėdamas konstitucinio pobūdžio dokumento statusą, jis, be kita ko, garantavo visų tautinių mažumų teises. Siekdami paskatinti visuomenės sutelktumą, Estijos karinio ir politinio elito atstovai jau praėjus keleriems metais po karo dėl nepriklausomybės ėmė propaguoti teiginį, kad šiame kare dalyvavo visos Estijos tautos. Tačiau kokį iš tiesų vaidmenį tautinės mažumos vaidino 1918–1920 m. Estijos nepriklausomybės kare, ypač kalbant apie karinį ir politinį aspektą?

Pagrindinis klausimas, analizuojamas straipsnyje, yra, viena vertus, tautinių mažumų santykis Estijos kariuomenėje, jų lojalumas, kita vertus, Estijos karinės vadovybės požiūris į tautinių mažumų pasitelkimą kariniais tikslais. Antai didžiausios Estijos tautinės mažumos – rusų – dalyvavimas kare apibūdinamas dviem aspektais. Pirma, daugelis rusakalbių miestiečių iš tiesų buvo susirūpinę įvykiais visos Rusijos mastu, suvokdami Estiją tik kaip Rusijos subjektą. Antra, pasienyje gyvenę rusų valstiečiai neturėjo jokios motyvacijos kovoti už jiems svetimą respubliką. Būtent todėl Estijos karinė ir politinė valdžia, siekdama mobilizuoti rusus, pasienyje turėjo taikyti represinius metodus.

Nepaisant to, Estijos ginkluotųjų pajėgų vyriausiasis vadas Johanas Laidoneris aiškiai skyrė Estijos rusus, buvusius Rusijos pavaldinius, nuo Estijos piliečių. Būtent todėl rusų baltagvar-

diečiams nebuvo leidžiama mobilizuoti rusų, nuo seno gyvenusių Estijoje, į Šiaurės Vakarų armiją (buv. Šiaurės korpūsą). Tačiau rusų emigrantams Estijos karinė vadovybė liepdavo arba stoti į Šiaurės Vakarų armiją, arba išvykti už respublikos ribų.

Vienas tautinių mažumų naudojimo kare sprendimų buvo tautinių dalinių kūrimas Estijos kariuomenėje. Vis dėlto karo dėl nepriklausomybės kontekste išnagrinėjus ir palyginus tarpusavyje Estijos kariuomenėje sukurtus tautinius dalinius, galima konstatuoti, kad Estijos vadovybė iš esmės nenorėjo matyti Estijos ginkluotųjų pajėgų gretose tautinių dalinių, kuriuos tautinės mažumos būtų sukūrusios savo pačių iniciatyva. Vienas tokių dalinių buvo Baltų batalionas (vokiečių vadintas *Freiwilligen Baltenregiment*, taigi pulku), sukurtas vietinių vokiečių iš buvusių Pabaltijo gubernijų tuo pat metu, kai buvo formuojama Estijos kariuomenė. Nors demonstravo aukštą kovinę dvasią ir sėkmingai dalyvavo kariniuose veiksmuose, šis karinis junginys buvo nuolat įtarinėjimas ir užsipuolamas tiek Estijos karinės vadovybės, tiek eilinių estų karių. Nepaisant to, tai nesutrukdė pokario metais išnaudoti Baltų bataliono įsteigimo ir veiklos faktą pasakojime apie visų Estijos tautų kovą už valstybės nepriklausomybę.

72

Likę tautiniai daliniai – du rusų batalionai ir Ingermanlandijos pulkas – vis dėlto buvo formuojami iš užsieniečių, nors formaliai ir buvo paskelbta, kad tai irgi Estijos kariuomenės tautiniai daliniai. Šiuos dalinius, panašiai kaip Baltų batalioną, Estijos karinė vadovybė naudojo kaip priešakines pajėgas, kurios už Estijos ribų kariavo vykdydamos generolo J. Laidonerio aktyviosios gynybos strategiją. Šiuos dalinius buvo būtina naudoti siekiant sumažinti Raudonosios armijos spaudimą reguliariosioms Estijos kariuomenės pajėgoms, formaliai padidinti Estijos dalyvavimą baltųjų karinėse operacijose, taip pat pagal galimybes pakeisti menkai motyvuotas Estijos reguliariąsias pajėgas Rusijos fronte. Pagal Estijos karinės vadovybės sumanymą, šie estų kontroliuojami ir Estijos Respublikai lojalūs daliniai turėjo pakeisti nelojalius baltagvardiečius, tapdami sąjungininkais kare su bolševikais. Tačiau įvykių eiga galiausiai nebuvo palanki tokioms gana drąsioms Estijos karinės vadovybės karinėms ir politinėms ambicijoms. Tai lėmė tiek vidiniai prieštaravimai, tiek Antantės suinteresuotumas baltųjų judėjimo skilimu Rusijos šiaurės vakaruose.

Atskiras klausimas yra pasienio sričių, pirmiausia Petserių (Pečiorų) rusų valstiečių, žmogiškujų išteklių naudojimas kare. Petserių rusai neturėjo savos inteligentijos, kuri galėtų išreikšti šios regioninės grupės interesus, tad Estijos valdžia priverstine tvarka sudarė eilinį pėstininkų batalioną 7-ojo pėstininkų pulko sudėtyje. Petserių rusų tautinio dalinio sukūrimas nebūtų atitikęs Estijos interesų. 7-ojo pėstininkų pulko rusų batalionas pasižymėjo kaip silpnai disciplinuotas ir didelį dezertyrų nuošimtį patyręs dalinys.

Bet kokiu atveju tautinių dalinių naudojimas Estijos kariuomenėje per karą dėl nepriklausomybės yra marginalinė, nors ir gana įdomi, Estijos karo istorijos patirtis. Dėl savo gana menko skaičiaus tautinių mažumų vaidmuo Estijos kare dėl nepriklausomybės didelio poveikio karo rezultatams neturėjo. Maža to, faktai aiškiai rodo, kad tautinių mažumų požiūris į Estijos Respublikos idėją buvo atsargus, o kartais ir priešiškas. Karinė Estijos vadovybė nebuvo suinteresuota kurti tautinių dalinių iš Estijos piliečių, kadangi tai neprišėdėjo prie estų tautos konsolidavimo kare.

Karui pasibaigus, tautiniai daliniai Estijos kare dėl nepriklausomybės iš dalies buvo užmiršti. Kita vertus, jų buvimo faktą naudojo valstybės propaganda.